
РОССИЯ ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Средний класс в современной России

М. КИВИНЕН

Статья известного финского социолога Маркку Кивинена посвящена актуальным для современного российского общества вопросам трансформации социальной структуры, тенденциям в классовых отношениях, формированию в России среднего класса, его потенциальным возможностям и перспективам. Взгляд со стороны позволяет автору, обращаясь к вопросам, активно обсуждаемым в российской науке, предложить новое видение хорошо знакомого и во многом изученного. В основу статьи положен текст доклада, представленного на пятой Международной конференции «Конкурентоспособность и модернизация экономики» (Москва, 6—7 апреля, 2004 г.).

Советская классовая структура и переходный период

В бывшем СССР понятие социального класса имело огромное политическое значение. Борьба между двумя главными социальными системами в советской идеологии была сведена к борьбе между двумя классами. Крах советской системы также может быть проанализирован в аспекте изменений ее классовой структуры.

В недавно вышедшей статье «"Реально существующие социалистические общества" в теории стратификации» Г. Ленски утверждает, что ключевой вопрос классового анализа состоит в «исследовании социальной лаборатории реально-го социализма» [Lenski 2001]. Он возвращается к основному вопросу функционалистской теории стратификации о неизбежности социального неравенства. Если функционалистская теория рассматривала социальное неравенство как естественное или необходимое, то «критические» теоретики, главным образом марксисты, считали неравенство неестественным, ненужным и безнравственным.

Согласно Дэвису и Муру [Davies, Moore 1945, p. 242—249], эффективная система стимулов требует прежде всего, чтобы высококвалифицированные профессионалы стремились занять наиболее значимые позиции в обществе. У них также должна быть мотивация вкладывать максимум усилий в работу. По мнению Ленски, марксистские общества потерпели неудачу в обоих аспектах: наиболее квалифицированные люди никогда не стремились попасть на важнейшие позиции, так как разница в оплате труда была не столь велика, чтобы вдохновлять

их на эти действия. Здесь автор статьи ссылается на пример Чехословакии 1960-х годов, где разница в зарплатах инженеров и промышленных рабочих была практически ликвидирована. Вследствие этого множество очень способных людей прекратили обучение, а трудовая мораль квалифицированных рабочих, инженеров и других профессионалов была предельно низка. Схожие проблемы, по мнению Ленски, существовали в Советском Союзе накануне знаменитой сталинской речи против уравниловки (принципа равной оплаты труда), а главной причиной советского экономического кризиса 1980-х годов стала политика чрезмерного уравнивания доходов в эпоху Брежнева. В доказательство низкой трудовой мотивации Ленски приводит примеры различных отклонений, свойственных социалистическим обществам: прогулы, невыходы на работу без уважительной причины, низкая дисциплина на рабочих местах, низкая производительность труда, слабое инвестирование и недостаток заинтересованности в инновациях.

Ленски объединяет два аргументационных подхода, а именно общую теорию неравенства и объяснение того, как и почему рухнул социализм. Начиная с функционального понятия неравенства как явления, неизбежного в любом обществе, Ленски выдвигает предположение о том, что реальный социализм был по существу бесклассовым обществом. Этот подход весьма избирателен в подборе исторических фактов в качестве аргументов. Я склонен считать, что социализм был специфическим видом классового общества, в котором социальные классы существовали одновременно и как социоэкономические реалии, и как сложные, многослойные культурные конструкты.

Анализ классовых проблем советского социализма мы начнем с рассказа о тех событиях, когда рабочий класс имел собственный особый статус. Рабочий класс в большевистском «священном кодексе» — это важная сила социальных изменений, связанных с наукой и прогрессом, развитием производительных сил, урбанизацией, партией. Эти понятия определили важнейшую сущность великого большевистского проекта модернизации. Противоположностью этим понятиям была старая Россия: религиозное невежество, отсталость, нищета, аграрность и царская система власти [Kivinen 1998b; Kivinen 2001]. В данном смысле рабочий класс является специфическим хаотическим конструктом, а «Начальные формы религиозной жизни» [Адамс 2002] могут открыть новые перспективы для понимания фундаментальных классовых формаций прошлого века.

Такой сакральный характер рабочего класса, безусловно, является культурным конструктом. Одна из его черт — требование равного распределения собственности и доходов. Эти идеи вдохновляли на ликвидацию капитала и частной земельной собственности. Однако рабочий класс нельзя свести к такому большевистскому пониманию. В отличие от других социальных классов с их недостатками рабочий класс коллективен, реалистичен и дисциплинирован. Соединение науки и рабочего класса в партию создает главную силу и субъект социальных изменений.

Однако реальность оказалась значительно сложнее, чем можно было предположить в рамках описанного подхода. Партией и обществом управлял не рабочий класс; скорее, возник новый доминирующий класс, выросший из партийной элиты, — номенклатура. Номенклатура даже в сталинские дни представляла собой не один крупный орган, а сложное сплетение постов различных уровней,

Средний класс в современной России

позволяющих принимать решения, т. е., по сути, она была социальным классом. Однако большевистский проект модернизации создал не только номенклатуру, но и другие классовые группы, и прежде всего новый средний класс. В 1930-е годы в Советском Союзе значительно выросла численность таких профессиональных групп, как инженеры, учителя, врачи и журналисты. К началу эпохи Брежнева их численность достигла того же уровня или даже превысила численность этих профессий в Финляндии и Соединенных Штатах Америки.

Для официальной советской идеологии эти группы не обладали каким-либо особым статусом; вместо этого «номенклатура» и «новый средний класс» были табуированы. Как представляется, этого мнения придерживается и Ленски. Ясно, что официальная версия власти рабочего класса расходится с реальным господствующим положением номенклатуры; политические процессы развиваются и раскрываются, исходя из этого противоречия. В действительности отношения между рабочим классом и буржуазией представляют лишь один из фундаментальных аспектов более масштабного четкого дуализма большевистской культуры (рис. 1).

Однако существовало также постоянное противоречие между идеализированным пролетариатом и реальными социальными и экономическими условиями жизни рабочего класса. Настоящий пролетарий был далек от идеала. Советский рабочий класс долго оставался крестьянским в его общих взглядах на жизнь, что ясно видно из отклонений, выявленных Ленски в рабочей культуре. Советский рабочий, склонный к конкуренции в потреблении и всегда много пьющий, также не смог дотянуть до чествуемого идеологией тотема, который до сих пор стоит на площадях деревень и городов по всей стране, с молотом в руке и взором, твердо устремленным в будущее.

Культурная составляющая классов — вопрос не только идеологии и дискурса. Это реальная часть социальной классификации и определения. Например, в 1920-х годах фактически все советские институты использовали некое подобие настоящей классификации, базировавшейся на классовых категориях [Fitzpatrick 2000]. Хотя с утратой социальных позиций, основанных на капитале и земельной собственности, советская буржуазия (которая фактически представляла собой смесь русской аристократии и буржуазии) была ликвидирована как социальный класс, оставалось все еще множество людей «неправильного» происхождения, так называемые бывшие («бывший» — это русский термин, соответствующий категории *ci-devant*, пришедшей из Французской революции). Эти люди не имели права доступа к высшему образованию, членству в партии и даже в партийной молодежной организации — комсомоле. Если становилось известно об их классовом происхождении, они теряли избирательное право и могли даже быть выселены или лишиться продуктовых карточек. Однако дискриминация носила случайный характер, поскольку система внутренних паспортов с классовой идентификацией была разрушена после революции. При этом в отличие от ситуации в Индии, в традиционной классификационной системе Советского Союза отсутствовала «внекастовость» [Galanter 1984]. «Бывшие», «кулаки» и «нэпманы» могли изменить свою классовую принадлежность лишь переместившись в новую среду. Конечно, разоблачение реальных классовых позиций людей было частью политической деятельности активистов.

Переход к сталинскому периоду в начале 1930-х годов был крайне противоречив в отношении классовой политики. С одной стороны, были введены

Источник: [Kivinen 2002], см. также [Lotman, Uspenskii 1985]

Рис. 1 Структура русской культуры: двойной код и несоответствующая реальность

внутренние паспорта. Это, по мнению Ш. Фицпатрик, явно имело корни в старых русских классификациях, основанных на сословиях. По крайней мере в отношении крестьянства сходство было поразительным. Не всем колхозникам были выданы паспорта; для того, чтобы куда-либо выехать, они были вынуждены обращаться за разрешением в колхоз, так же как раньше им приходилось обращаться в сельскую общину. Каждое советское сословие также имело четко обозначенные привилегии. С другой стороны, классовая принадлежность постепенно стала терять свою политическую значимость. Борьба против классовых врагов трансформировалась в охоту за «врагами народа». Согласно сталинскому классовому анализу советское общество было разделено на рабочих, колхозников и интеллигенцию. Такое разделение резко расходилось с реальными социально-экономическими тенденциями развития, поскольку именно в сталинский период номенклатура заняла твердые позиции во власти, а новый средний класс возник как значимая социальная категория.

Таким образом, советское общество не было бесклассовым. Классы существовали и как многослойные культурные конструкты и практики, и как социально-экономические реалии. Существовало постоянное напряжение между этими уровнями, что объясняет внешне странное совпадение: классовые позиции получили официальное признание, а эмпирический классовый анализ стал невозможен. Перепись 1926 г. была последней крупной попыткой в этом направлении. Далее эмпирические исследования социальной структуры советского общества возобновились только с началом перестройки.

Социальные классы современного переходного периода должны быть изучены так же, как и классы советской эпохи, т. е. и как культурные конструкты, и как категории классовой позиции и классового положения. При описании современного российского общества ученые часто ссылаются на наличие капиталистов без капитализма, на рост нового класса собственников как результат спонтанной приватизации без какой-либо стабильной экономической структуры. В Восточной и Центральной Европе интеллигенция, вставшая на борьбу со

Средний класс в современной России

старой номенклатурой, проявила себя как вид культурной буржуазии, которая стремится создать сам дух капитализма с тем, чтобы стали возможными соответствующие реальные институты [Eyal2000]. Сакрализированный рабочий класс во всех переходных экономиках вытеснялся в такой же степени идеализированным средним классом, который виделся законопослушным, в высшей степени предприимчивым и дисциплинированным [Kivinen 1998a]. В реальности, по крайней мере на данный момент, средний класс ведет весьма тяжелое существование, и его властный ресурс далеко не определен. Нам необходим анализ данных проблем на различных уровнях.

Проблема средних классов

В развитых капиталистических странах обычно делается различие между двумя средними классами — старым и новым. К старому среднему классу относятся в основном малые предприниматели и фермеры, новый средний класс включает в себя руководителей и экспертов, т. е. управленческие и профессиональные группы. Это различие восходит еще к К. Каутскому, который проводил различие между мелкой буржуазией и *neue Mittelstand* [Kautsky 1899].

В России слабость среднего класса обсуждалась еще до революции. Было отмечено, что буржуазия в России довольно малочисленна, и то же самое говорилось о таких профессиях, как врачи, юристы, инженеры и учителя [Baltzer 1996]. Однако, строго говоря, это было не совсем так, поскольку эти профессиональные группы были серьезно представлены среди русских либералов. Кроме того, у России была своя интеллигенция, и это, конечно, была значительная сила.

Отсутствие какого-либо анализа средних классов — основная проблема традиционных классовых теорий советского общества, и она заслуживает более пристального внимания. В целом вопрос относительно средних классов является одним из наиболее фундаментальных вопросов социологического анализа.

В государственных социалистических обществах, естественно, не было среднего класса, основанного на собственности. В некоторых народных демократиях существовали независимые фермеры, но их землевладения были очень небольшими, чаще всего — менее 10 гектаров земли. В России же, напротив, не было ни независимых крестьян, ни мелкой городской буржуазии. Сейчас, спустя более чем 60 лет, эти группы возрождаются вместе с приватизацией. Надо отметить, что здесь мы ведем речь о среднем классе, который на Западе традиционно известен как новый средний класс, но который в нынешней России является «старым» в том смысле, что он унаследовал свое положение от советской эпохи. Я попытаюсь показать, как это соотносится с вопросом профессионального развития и формирования управленческих иерархий. Эти процессы весьма различны в условиях капитализма и социализма.

Основное стратегическое решение, описанное в моей работе [Kivinen 1987, 1989], состоит в том, чтобы связать классовую теорию с социологией труда. При концептуализации коллективных властных ресурсов на уровне процесса труда нам важно не ограничиваться простым сопоставлением двух субъектов (как в классическом марксистском анализе), а учитывать также властные ресурсы, которыми обладают новые средние классы, и связанные с ними формы организации

«производственных отношений». Это приводит к пониманию того, что «умственный труд» не простой концепт, он включает различные формы властных ресурсов, стратегии и исторические процессы. Ключевую роль в анализе властных ресурсов новых средних классов играет профессионализация. Именно по отношению к «профессиональной автономии» должны быть описаны и все другие формы умственного труда (подробно о важности этой теории см.: [Беляева 1993]).

Хотя положение средних классов в Советском Союзе во многом зависело от их отношения к номенклатуре и партийному аппарату, будет большим упрощением предположить, что эти классовые группы просто обслуживали номенклатуру [Заславская 1992]. Вместо этого мы должны более пристально взглянуть на основные процессы в классовых отношениях.

Процессы классовых взаимоотношений, лежащие в основе различных форм умственного труда, могут быть концептуализированы следующим образом:

профессионализация;

эволюция управленческих иерархий;

эволюция научно-технических профессий;

отделение конторской работы от менеджерской и деградация ее содержания;

развитие социальной помощи как особой формы наемного труда, его профессионализация ;

изменение положения квалифицированных работников и профессиональных требований к ним;

положение небольших фирм в экономической структуре и развитие характерных форм их организации (например, патернализм).

Для того чтобы создать адекватную картину классовых отношений при социализме и постсоциализме, мы должны в первую очередь рассмотреть, как эти процессы различаются в социалистическом и капиталистическом обществах. Только после этого мы сможем перейти к анализу интересов и особой природы среднего класса.

Потенциальный средний класс?

Базовая идея, на которой стоит мое понимание среднего класса, исходит из концепции отчуждения. Рабочий класс состоит из наемных работников, находящихся в состоянии отчуждения (в конкретном, прямом смысле этого слова) по отношению к своему труду. В эту социальную группу попадают те, кто не влияет на решения, касающиеся организации труда, и, в частности, на такие ее аспекты, как капиталовложения, орудия труда и основные его способы. Во-вторых, рабочий класс находится в том положении, когда он не может контролировать даже свой труд и, в частности, не может планировать результаты своего труда, его темпы и другие параметры деятельности. В то же время наемные работники, принадлежащие к среднему классу, формируют группы, имеющие достаточно властных ресурсов, чтобы сохранить свою автономию. Сильный средний класс включает в себя специалистов, управленцев и инженеров. Квалифицированные рабочие, рабочие в сфере обслуживания и воспроизводства, а также некоторые автономные группы конторских служащих имеют меньше властных ресурсов и меньше характерных черт среднего класса, чем упомянутые выше группы.

Средний класс в современной России

При капитализме особый род автономии свойствен сотрудникам небольших компаний, применяющих менее сложные технологии и характеризующиеся менее развитым разделением труда.

Я пытался продемонстрировать в одной из своих работ [Kivinen 2001, 2002], что, как и на Западе, в Советском Союзе вопрос отчуждения и автономии труда был ключевым водоразделом между средним и рабочим классами. С другой стороны, я также пытался показать, что советских средний класс имел существенно меньше ресурсов для защиты собственной позиции, чем аналогичная группа в развитых капиталистических странах.

Позвольте мне теперь, исходя из этих положений, перейти к рассмотрению концепций рабочего и среднего классов. В книге [Kivinen 2002 (appendix 1)] приводится подробное обоснование того, почему разные профессии классифицируются в определенные типы автономии. Читателям, незнакомым с классовой теорией, вид подобной операционализации может показаться излишне громоздким. Хочу выдвинуть три аргумента в защиту своей позиции. Во-первых, операционализация классовых теорий — сложная исследовательская задача, потому что в современном обществе существует множество видов деятельности и профессий. Насколько мне известно, Дж. Голдторп и его коллеги потратили два года на то, чтобы установить, какие профессии можно с полным основанием операционализировать как позиции среднего класса по таким критериям, как участие в принятии решений и автономия труда [Goldthorpe 1980]. Во-вторых, несмотря на некоторые различия, касающиеся отдельных профессий, существует высокий уровень согласия относительно основных характеристик профессиональной структуры независимо от того, какой подход используется — Дж. Голдторпа и Э.О. Райта или мой. Широкий консенсус особенно часто наблюдается там, где речь идет о позиции специалистов и управленцев. Даже критики классового подхода не отрицают роль профессионализации или «креденциализма» [Pakulski 1993]. В-третьих, хотя различные виды операционализации приводят к небольшим расхождениям в оценке численности разных социальных групп, общая картина, вырисовывающаяся из анализа структуры классовых ситуаций и сознания, схожа у всех исследователей. Иной, непохожий результат (совершенно неприемлемый, когда речь идет об эмпирических исследованиях; см.: [Kivinen 1989, p. 167—197]) вытекает из теорий, отрицающих значимость профессиональных и управленческих позиций. Как правило, в таких теориях средний класс определяется как социальная группа занятых в государственном секторе работников [Projekt Klassenanalyse 1973].

Мое определение классовой структуры основывается на следующих основных положениях.

Основой среднего класса являются все типы профессиональной, научно-технической, управленческой и административно-бюрократической автономии независимо от статуса в системе управления. Вдобавок в эту группу входят люди, выполняющие важные административно-технические функции внутри учреждения. И, напротив, рабочие в сфере обслуживания, квалифицированные рабочие, работники с высоким уровнем самостоятельности, занятые на предприятиях малого бизнеса, а также административный персонал учреждения, самостоятельно определяющий формы исполнения заданий, характеризуются противоречивой классовой позицией. Они располагаются посередине между базовым средним и рабочим классами [Kivinen 1987, p. 195].

В исследованиях автономия труда измерялась при помощи трех различных вопросов, касающихся разработки продукта, формы исполнения трудовых заданий и разрешения проблем, возникающих в трудовом процессе. Эти отдельные шкалы сливались в одну посредством взвешивания первого и третьего показателей на основе дедуктивных методов, заимствованных из первоначальной теории автономии Райта. Таким образом, профессиональные и управленческие группы, включаемые в ядро среднего класса, — это группы, обладающие реальной автономией труда [Kivinen 1989, p. 295—296].

Однако российские специалисты, лишенные властных ресурсов, имели и имеют меньше самостоятельности в труде, чем специалисты в капиталистических странах. Чтобы яснее представить себе масштабы этого явления, я определил новую классовую группу, которую назвал «маргинальная группа 2». Она включает в себя тех наемных работников, которые по своим профессиональным характеристикам должны входить в базовый средний класс, но которые при этом лишены реальной автономии. В эту группу входят, например, врачи, учителя, юристы и инженеры, лишенные всякой самостоятельности. Дополнительно я выделяю еще одну, третью, маргинальную группу, которую образуют наемные работники, выполняющие хотя бы некоторые управленческие функции. В обоих вариантах теории Райта эти люди представляли бы маргинальный средний класс. В моей теории, делающей акцент на автономию труда, эти люди принадлежат к среднему классу.

Табл. 1 отображает классовую структуру Финляндии, прибалтийских государств и России, выявленную с помощью описанного выше метода операционализации. Данные по России получены в 1996 г., данные по другим странам — в 1994 г. Россия в данном случае представлена Санкт-Петербургом, репрезентирующим только городское население страны. В стране доля рабочего класса была бы больше, и явно заявила бы о себе еще одна группа, занимающая особые классовые позиции, — сельское население.

Общий вывод, вытекающий из данной таблицы, вполне очевиден. В Финляндии базовый средний класс заметно выше, чем в республиках бывшего СССР. Профессиональные властные ресурсы представляются очень важными для реальной классовой позиции даже в ситуации, когда профессиональные структуры слабо различаются между странами, как и было в нашем случае. Это означает, с другой стороны, что и прибалтийские страны, и Санкт-Петербург имеют очень большой «потенциальный средний класс». Это особенно относится к маргинальной группе 2. Многие люди имеют профессиональные или управленческие позиции, не обладая достаточной для статуса среднего класса автономией труда или возможностью принятия решений. Эти люди составляют потенциальный средний класс в силу их габитуса и устремлений. В Финляндии реальные властные ресурсы присутствуют. Из-за более независимых властных ресурсов маргинальная группа квалифицированных рабочих и рабочих в обслуживании (маргинальная группа 1) значительно крупнее в Финляндии. Конечно, принудительная автономия плановой экономики состояла главным образом из «самостоятельности в выполнении поставленных задач» [Blom et al. 1991], но не имела реального профессионального содержания. Поскольку исследование базировалось на основных характеристиках организации труда, которые изменяются очень медленно, у нас есть все основания предполагать, что отмеченные

Средний класс в современной России

Таблица 1 Классовая структура С.-Петербурга, Балтийских стран и Финляндии, 1994 -1996 гг. (%)

Класс	Россия	Эстония	Латвия	Литва	Финляндия
Ядро среднего класса	15	16	12	12	21
Маргинальная группа 1	6	4	6	2	14
Маргинальная группа 2	36	25	28	29	12
Маргинальная группа 3	6	4	6	5	3
Рабочий класс	30	45	40	43	31
Предприниматели	6	5	8	9	20
N	(1364)	(724)	(791)	(941)	(878)

Источник: [Kivinen 2002]

выше особенности классовой структуры — это наследие советской эпохи, не имеющее ничего общего с переходным процессом, в ходе которого средний класс сталкивается с совершенно другими проблемами. Для того чтобы увидеть, как процесс структуризации классовой ситуации способствует формированию социальных интересов российского среднего класса, нужен более детальный анализ.

Судьба средних классов

Является ли средний класс выигрышной картой, которую дала России история? Многие политические силы в России, как и социологи, думают, что это так. Почти все политические партии страстно мечтают о среднем классе, а ученые-социологи обеспечивают им полную поддержку. В их рассуждениях политические, моральные и социальные аспекты подаются в духе, очень близком к традиционному российскому разговору о «священном пролетариате». Приведу пример из недавней статьи Л. Григорьева и Т. Малевой: «В нормальной рыночной экономике средний класс является главным налогоплательщиком. Экономические жизненные условия этого класса определяют как инвестиционную активность нации, так и состояние государственного бюджета, а также реализацию социальных программ и, что самое важное, социальные и экономические процессы в целом. Что делает средний класс основой социальной стабильности? Прежде всего его срединное положение в обществе, определяющее его материальное положение и собственность. Они хотят сохранить свои позиции и достижения и поэтому не хотят менять "правила игры"» [Григорьев, Малева 2001, с. 45].

Но средний класс рассматривается не только как стабилизирующая сила. Это еще и моральный авангард, а также ключ к развитию гражданского общества.

Он формулирует моральные стандарты общества (и в каком-то смысле его идеологии), поскольку доминирует в системе правосудия, в религиозных и политических организациях. Кроме того, у него особые функции: гарантировать

высокую производительность труда, производить и передавать знания и информацию, определять тип и структуру потребления. И наконец, средний класс в целом выступает гарантом политических свобод [Там же, с. 46].

В российских исследованиях за этой высокоодухотворенной формулировкой «исторической задачи и функции» среднего класса обычно следует попытка дать определение самому понятию среднего класса на базе различных критериев (доходы, возможность принимать решения, культурный капитал и пр.) (см., например, [Заславская, Громова 1999; Григорьев, Малева 2001]). Размер ядра среднего класса, приведенный в различных исследованиях, показан в табл. 2.

Несмотря на то что величина ядра примерно одинакова, более детальный анализ выявляет большие расхождения. Однако, если мы перейдем к следующему шагу классового анализа, т. е. к анализу структуризации классового положения, мы столкнемся с полным консенсусом во взглядах российских социологов. Они единодушны в том, что из-за низкого уровня доходов и негарантированной занятости средний класс не в состоянии выполнять свою историческую роль [Заславская, Громова 1998, Григорьев, Малева 2001].

Я склонен видеть сходство данной аргументации с традиционным советским взглядом на роль рабочего класса как гегемона общества. Эта новая аргументация по поводу ведущей функции среднего класса вызывает несколько критических замечаний. Согласно такой точке зрения, лишь небольшое внимание уделяется реальным интересам и стремлениям среднего класса. Как отмечал А. Гоулднер, многие социологические учебники начинаются с предположения о том, что могущество — хорошо, а слабость — плохо. Однако, как добавляет Гоулднер, моральные качества и власть необязательно идут рука об руку. В современной российской социологии сакральный характер среднего класса принимается за чистую монету. Но как насчет моральной амбивалентности этой новой социальной силы [Gouldner 1979]? Не стоит ли и в России услышать утверждение Гоулднера о том, что новый средний класс имеет серьезные недостатки для того, чтобы стать новым всемирным классом? Он элитарен и эгоистичен, он использует свои особые знания для достижения собственных интересов и власти, а также для контроля своего собственного положения на рынке труда.

Моя точка зрения, которую я защищал выше, заключается в том, что профессиональная компетентность среднего класса играет решающую роль в разрешении многих ключевых социальных проблем в современной России. С другой стороны, средний класс имеет свои собственные интересы и отношение к другим классам. Кто-то при этом может спросить, насколько реально говорить о роли нового среднего класса в общих терминах, не исследуя природы «основных потребностей» в конкретном обществе? Например, какой будет роль среднего класса в определении пути развития постиндустриальной России? Есть ли какие-либо реальные перспективы для создания в России европейского государства всеобщего благосостояния? Какие силы и факторы формируют средний класс? Является ли этот процесс формированием самого класса или нет? Как, наконец, изменилось положение среднего класса в переходный период, становится ли он более влиятельной социальной силой?

Табл. 3 отражает ключевые характеристики положения российских классовых групп в 1996 г. Почти по всем позициям положение предпринимателей явно отличается от положения наемных работников. Доходы предпринимателей

Средний класс в современной России

Таблица 2 **Размер ядра среднего класса** (% от общего числа домохозяйств)

Источник информации	Размер ядра среднего класса
Институт социэкономических проблем населения РАН	25,6
Российский лонгитюдный мониторинг благосостояния и здоровья населения	22,8
Всероссийский институт изучения общественного мнения	19,7

Источник: [Григорьев, Малева 2000]

Таблица 3 **Выборочные черты в положении российских классовых групп в 1996 г.**
(% или шкала 0-5)

	Предприниматели	Ядро среднего класса	Маргинальная группа 1	Маргинальная группа 2	Маргинальная группа 3	Рабочий класс
Физически напряженная работа	2,1	1,9	2,3	2,0	2,2	2,3
Психически напряженная работа	3,3	3,3	2,8	2,7	2,6	2,1
Профессиональные навыки Используются лучше, чем прежде	50	41	23	24	13	16
Платят меньше, чем прежде	38	60	55	65	63	65
Работу проверяют несколько раз в неделю	9	20	47	35	46	56
Имею две работы	62	34	28	43	46	39
Все доходы расходуются на еду и жилье	14	38	49	41	49	52

Источник: [Kivinen 2002]

растут быстрее, их профессиональные навыки используются лучше, чем прежде. С другой стороны, многим приходится иметь два места работы. Представляется, что даже предприниматели, занятые физически тяжелым трудом, испытывают психический стресс значительно чаще, чем рабочий класс. Только относительно немногие предприниматели тратят весь свой доход на еду и оплату жилья, в то время как в среде рабочего класса эта ситуация характерна для большинства. Работа людей, составляющих ядро нового среднего класса, очевидно, отличается от работы представителей рабочего класса в смысле контроля над выполняемой ими работой, и только очень небольшое число представителей среднего класса чувствуют, что возможности использовать их профессиональные навыки возрастают. На мой взгляд, в случае с российским средним классом противоречие между положением на рынке труда среднего класса и ситуацией с воспроизводством рабочего класса (низкие доходы) еще больше усилилось со времен социализма. Маргинальные группы, напротив, кажутся довольно пролетарскими с точки зрения их положения на рынке труда. Значения всех показателей по этим группам лежат между показателями по тем, кто составляет ядро среднего класса, и показателями рабочего класса, хотя почти без исключений они приближаются к показателям по рабочему классу. Особенно заметны черты рабочего класса у представителей маргинальной группы 3 (которая, согласно теории Райта, должна войти в средние классы).

Если использовать табл. 3 для доказательства моей классовой теории, то полученные значения свидетельствуют о ее правдоподобии. Очевидно, что автономия является основным индикатором классового положения. С другой сторо-

ны, таблица привлекает внимание к двум очевидным и чрезвычайно важным отклонениям. Одно касается низкого уровня воспроизводства в группах среднего класса, другое — это число людей, которые работают на двух работах. Наличие второй работы — это, конечно, реакция на ситуацию, когда существование находится на грани риска. Другое наблюдение, указывающее на ту же тенденцию, заключается в том, что практически во всех классовых группах около половины представителей имеют участок земли, который они обрабатывают. Заслуживает внимание также развитие новых комбинаций, которые размывают или усиливают различные классовые позиции. Когда профессионал вынужден заниматься ручным трудом только для того, чтобы свести концы с концами, это очевидный случай разрушения профессиональных навыков. Так, если новая организация труда, разворачивающаяся вместе с переходным процессом, обещает лучшие перспективы для развития профессиональных навыков, необходимость второй работы может неблагоприятно влиять на профессиональные качества. Что же касается предпринимателей, мы можем предположить, что в большинстве случаев они ищут новые возможности для восходящей социальной мобильности.

Среди предпринимателей общая удовлетворенность жизнью находится на высоком уровне, в то время как рабочий класс сильно разочарован трудностями, возникшими в переходный период [Kivinen 2002, p. 150—153]. Предприниматели активно участвуют в политической жизни. По обоим этим показателям ядро среднего класса занимает промежуточное положение между предпринимателями и рабочим классом.

Тезис о том, что новый класс берет на себя роль старой элиты, подтверждается тем, что люди, занимающие высшие позиции в обществе, сегодня в значительной мере те же, что и прежде. Это в равной степени относится и к «новым русским», и к управленческим должностям в целом. С другой стороны, профессиональный средний класс в России является исторически своеобразной группой. Эта группа является наследником русской интеллигенции, и ее структура и положение отличаются от структуры и положения соответствующих групп на Западе.

По образу жизни и мышления предприниматели и управленческие группы сильно отличаются от профессионалов в ядре нового среднего класса. Предприниматели создали собственный стиль жизни, в котором основной акцент сделан не на высокую культуру, а скорее на международную масс-культуру и связанные с ней атрибуты: дискотеки, ночные клубы, кафе и рестораны. По-видимому, им не хватает «культурных устремлений», которые являются отличительной чертой западных средних классов. Стиль жизни новой бизнес-элиты в России также представляет собой любопытную комбинацию внушительного потребления и русского конформизма [Kryshchanovskaya 1992; Backman 1998]. Они так поглощены работой, что у них нет времени и желания потреблять те денежные средства, которые они зарабатывают. Им присущи особое русское чувство вины за собственный успех и сильный страх перед посторонними. Профессионалы, напротив, обладают культурным капиталом, но им не хватает установленных профессиональных практик и стабильного положения.

Традиционно принято считать, что особый интерес ядра среднего класса состоит в усилении позиций их собственного особого типа умственного труда [Abercrombie, Urry 1983, p. 122]. Менеджеры достаточно успешно защищают свою

Средний класс в современной России

позицию на уровне фирмы. Однако в более широком смысле положение профессионалов и организаций, в которых они работают, остается слабым. В России не существует сильного общественного сектора, который смог бы предоставить базу для воспроизводства профессионалов. На самом деле, на Западе роль профессионалов в общественном секторе в значительной степени объясняет радикальные общественные движения и успех социально-демократических партий [Abercrombie, Urry 1983, p. 122-132].

Основные коллективные потребности современного российского общества связаны с типом постиндустриального общества, сложившегося в стране. Несмотря на существование большого потенциального среднего класса, Советский Союз вплоть до самого распада оставался по существу индустриальным обществом. Существует множество видов развитых постиндустриальных обществ, но двумя базовыми формами являются американская и европейская [Clement, Myles 1994]. В американском типе услуги включают в себя личные и бизнес-услуги, тогда как в европейском типе наиболее важной категорией услуг является социальное обслуживание, предоставляемое общественным сектором.

Если бы Россия сделала ставку на старый государственный аппарат и потенциальный средний класс, она могла бы пойти по второму пути. Это могло бы сочетаться с разными формами собственности, систематическими усилиями по развитию общественного сектора, его инфраструктуры, образования, здравоохранения. Однако эти процессы нуждались бы в поддержке сильных организаций, т. е. необходимо было бы гражданское общество с независимыми профессиями, профсоюзами, массовыми партиями и т. д. Однако развитие России в этом направлении ограничивалось политическими действиями, основанными на особых интересах, связанных со старыми патриархальными трудовыми коллективами, и слабой организацией профессий. Как предполагают российские социологи и представители политических партий, средний класс мог бы стать решающей силой в определении тенденций социального развития. Однако, по крайней мере на данный момент, он остается сравнительно слабым.

Растущие бедность и неравенство

Если средний класс входит в число выигравших от процесса перехода, то, очевидно, должны быть и проигравшие. Что происходит с бедными и с рабочим классом? Краеугольным камнем советского общества благосостояния было право на труд. Люди без работы обвинялись в «социальном паразитизме», за этим приговором могло последовать даже заключение в трудовые лагеря. Наряду со всеобщей гарантией занятости, предприятия играли важную роль в обеспечении благосостояния. Они предоставляли значительные неденежные привилегии: жилье, детские сады, поликлиники, столовые с дотационным питанием, а также пансионаты и санатории. В переходный период эта система почти исчезла. Поговорим теперь о разрушении коллективного труда.

Несмотря на официальную точку зрения о том, что в Советском Союзе не было бедности, некоторые исследования показывают, что в последнее десятилетие советской эпохи бедность была жизненной реальностью для 10—13 % русского населения [Braithwaite 1997, p. 29]. При введении нового пенсионного

закона в 1990 г. Председатель Правительства СССР Н. Рыжков впервые нарушил официальное молчание, оценив число бедных людей в СССР приблизительно в 40 млн [Ibid, p. 32]. Стали известны и следующие цифры: 12,6 % советского населения (36 млн) жили ниже официальной черты бедности (доход размером в 78 руб. в месяц на душу населения). Семьи с детьми составляли, по меньшей мере, половину бедного населения. Второй крупнейшей группой бедных были пенсионеры, жившие одни или лишенные других источников дохода [Matthews 1987, McAuley 1979]. Третью группу составляли рабочие низкооплачиваемых специальностей. Самыми бедными были бездомные и люди, недавно вернувшиеся из мест лишения свободы.

Масштабы бедности резко возросли в начале переходного периода (рис. 2). Бедность была широко распространена в первые годы переходного периода, и с тех пор оставалась на уровне 30 %, дойдя до максимума в 1998 г. К январю 1999 г. средняя заработная плата была примерно на 40 % меньше, чем в январе 1998 г. И хотя с конца 1999 г. начался значительный экономический рост, масштабы экономических и социальных проблем, с которыми сталкивается Россия, значительно больше, чем практически во всех странах Организации экономического сотрудничества и развития [OECD 2001].

Сегодня число бедных людей в России в несколько раз больше, чем их было зарегистрировано в СССР. Как только зарплаты и социальные выплаты перестали соответствовать росту цен, число семей с детьми и пенсионеров, скатывающихся в бедность, резко возросло. Однако увеличивалось также число работающих бедных и домохозяйств, задетых безработицей. В феврале 1999 г. безработица, по оценке МОТ, достигла небывалого уровня в более чем 14 %. Экономический рост немного снизил эту цифру до 12 %. Система социального перераспределения была не в состоянии среагировать на эту новую драматическую ситуацию. Большая часть льгот направлена на домохозяйства с доходами выше среднего уровня. Большинство домохозяйств, получающих эти льготы, имеют доходы выше прожиточного минимума. Почти половина домохозяйств, попавших за черту бедности в 1998 г., не получали никаких крупных трансфертов. Представляется, что льготы по оплате жилья получают, в первую очередь, достаточно состоятельные домохозяйства. Все социальные трансферты имеют уравнивающий эффект по потреблению, что отражено в коэффициентах Джини, рассчитанных до и после выплаты трансфертов [OECD 2001, p. 35].

Принято считать, что падение средних реальных доходов стало основной, если не единственной, причиной роста бедности в 1990-е годы. Однако, как показали Шоррокс и Колеников, значительное влияние имели и другие факторы [Shorrocks, Kolenikov 2001, Milanovic 2000]. Это можно увидеть на рис. 3. Прежде всего, одним из последствий увеличившегося неравенства является тот факт, что наиболее уязвимые сегменты общества получили меньшую долю сокращающегося пирога. Таким образом, в то время как средние реальные доходы упали до 40 % от уровня 1991 г., реальные доходы беднейшей пятой части населения опустились до 21 % от уровня 1991 г. Это непропорциональное снижение реальных доходов наиболее подверженных бедности групп также оказало значительное влияние на общий показатель уровня бедности в стране.

Проблема определения факторов, влияющих на уровень бедности, имеет формальное сходство с классической проблемой в кооперативной теории игр,

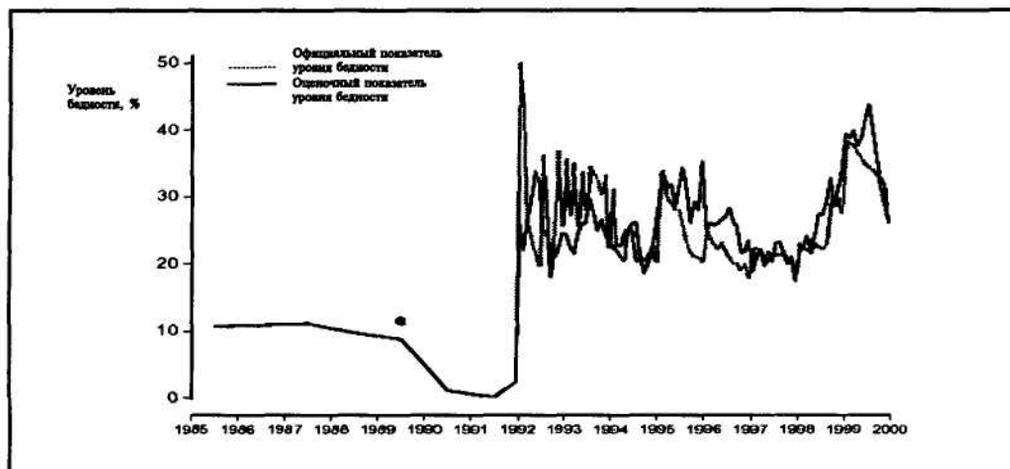

Рис. 2 Официальный и оценочный показатели уровня бедности

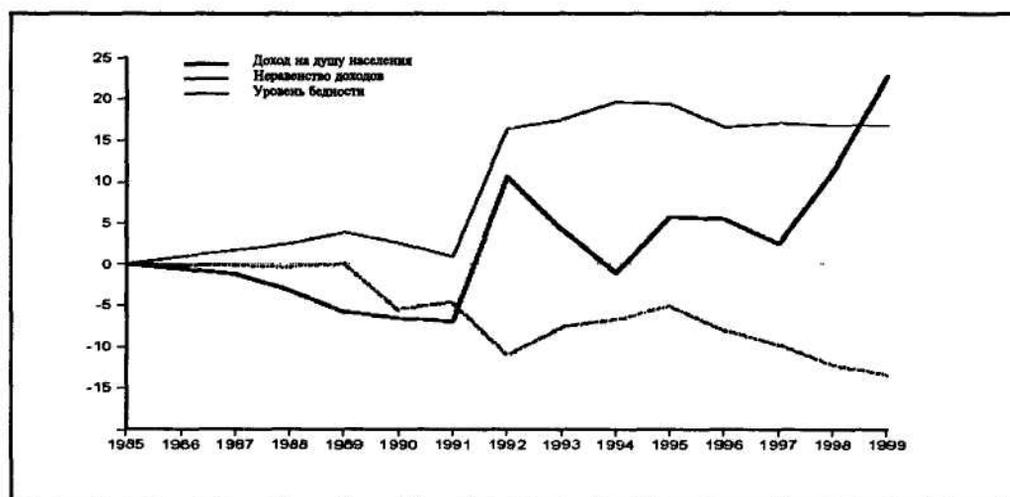

Рис. 3 Кумулятивная кривая показателей дохода на душу населения, неравенства доходов и уровня бедности, 1985—1999

которая стремится распределить определенное количество продукта среди определенного количества агентов. Шоррокс (1999) использует этот принцип, чтобы создать общую процедуру декомпозиции, основанную на значении Shapley, которое относится к теории игр, разработанной Л. Шапли (1953). Она описывает один из подходов к честному распределению доходов, совместно полученных несколькими актерами. Процедура включает в себя анализ влияния последовательного удаления каждого фактора с последующим усреднением этих влияний с учетом всех возможных последовательностей этих удалений. Более точная версия процедуры позволяет выстроить иерархическую структуру, в которой группы факторов рассматриваются как единое целое на первой стадии декомпозиции, а затем влияние каждой группы распределяется среди ее составляющих. Шоррокс (1999) предложил расширить понимание значения Shapley на основании работы Оуена (1977). Он дает общее название процедуре Shapley-Owen-Shorrocks (SOS). Декомпозиция SOS имеет два крупных преимущества. Во-первых, она точна. В данном контексте это означает, что суммарное влияние доходов на душу населения, неравенства доходов и границы уровня бедности равно наблюдаемым изменениям бедности. Во-вторых, она симметрична, поэтому влияние всех факторов рассматривается в равной степени: в частности, влияние факторов не зависит от той последовательности, в которой они рассматриваются.

Согласно рис. 3 доходы на душу населения и неравенство в одинаковой степени влияют на изменение бедности в 1985—1999 гг., каждый из этих факторов увеличивает уровень бедности приблизительно на 20 %.

Третьим фактором стало изменение оценки бедности. Новая методология, принятая в 1991 г., заменила критерий «бюджет минимальной материальной защищенности», который в советскую эпоху служил квазиграницей бедности, на критерий «прожиточный минимум», основанный на методологии, используемой Всемирным банком в других странах. В действительности ситуация с бедностью в 1990-х годах была хуже, чем показывает официальная статистика. Если бы использовались критерии бедности, принятые в дореформенные годы, то 60 % населения России было бы отнесено к бедным [Shorrocks, Kolenikov 2001]. И, кроме того, следует отметить, что показатели личного дохода не являются надежными в силу роста неформальной хозяйственной деятельности людей.

Неформальные механизмы собственного спасения и помощи со стороны других людей представляют собой важную стратегию выживания. Среди наиболее распространенных форм собственных усилий по выживанию — выращивание продуктов питания на собственном или арендуемом участке земли для потребления семьей или для бартера. Эта деятельность почти удвоилась в период с 1994 по 1998 г. [OECD 2001, p. 23]. Социальные связи и денежная помощь со стороны родственников и друзей оценивались как небольшая, но немаловажная часть семейных бюджетов. Их опосредованное воздействие на занятость и потребление значительно более важно, чем на Западе [Lonkila 1997].

Общая картина снижения уровня жизни выражалась в большом разнообразии индивидуального опыта. Те люди, которые были способны начать новый бизнес или найти новую работу, требующую новых профессиональных навыков, справлялись с ситуацией лучше, чем те, кто остался работать в прежних, переживающих спад секторах экономики (сельское хозяйство, угледобыча или военная промышленность). Эта дивергенция привела к чрезвычайному росту неравенства.

Средний класс в современной России

Согласно Пиирайнену, по ВВП на душу населения современная Россия стоит на одном уровне с Турцией, Мексикой и Бразилией [Piiirainen 2002]. По последним данным Всемирного банка (отчет за 1992—1997 гг.), коэффициент Джини, равный 48 %, традиционно ассоциируется с такими странами Латинской Америки, как Эквадор и Венесуэла, или африканскими странами, как Нигерия. Однако экстремально высокий уровень неравенства зарегистрирован в Бразилии и Южной Африке.

Если разделить мир на три категории, большинство стран с переходной экономикой в Центральной и Восточной Европе можно отнести к немногочисленному «среднему классу» в населении планеты [Milanovic, Yitzhaki 2001]. По условиям жизни этот средний класс находится между странами с высоким доходом (Северная Америка и Западная Европа) и низким доходом (большинство мирового населения, Китай, Индия, Южная Азия, африканские страны). В этой системе классификации Россия принадлежит к части стран с низким доходом. Во всех странах бывшего СССР изменения в неравенстве доходов выражены значительно драматичней, чем в Центральной Европе.

Бывший СССР имел сравнительно высокий уровень жизни, если рассматривать такие неденежные аспекты, как грамотность и продолжительность жизни. Показатели здоровья демонстрировали острое ухудшение в первые годы переходного периода, но с 1994 г. зафиксировано некоторое улучшение. Продолжительность жизни для мужчин, например, упала с 65 лет в 1988 г. до 58 лет в 1994 г. К 1997 г. она составляла 61 год, а сейчас вновь снижается. Наиболее тревожным является возникновение заболеваний, которые редко встречаются в наши дни в развитых странах, хотя количество самоубийств тоже увеличивается, растет алкоголизм и количество несчастных случаев. Система образования в России также ухудшается, но она все еще распространяется на все население, тогда как в некоторых бывших советских республиках Средней Азии и Кавказа это перестало быть правилом.

Многие западные консультанты задаются вопросом, как лучше достичь социально адресной политики [World Bank 2000, OECD 2001]. Прямая доставка социальной помощи семьям с доходом ниже определенного уровня — общий подход в странах Организации экономического сотрудничества и развития. Этот путь тормозится в России из-за главной проблемы — отсутствия необходимой для этих целей информационной и административной инфраструктуры и существования неучтенных доходов и множества особых льгот. Вследствие этого сохранится сильное давление с целью сохранить статус-кво в социальной системе распределения.

Тенденции в классовых отношениях

Хотя Россия находится в состоянии полной социальной дезорганизации, в обществе остается неизменная цель — рыночная экономика. Однако рыночная экономика и капитализм приходят в различных формах. Существуют различные пути развития, ведущие к капитализму.

Нам обещали капитализм, а вот что мы получили. Не только народные массы, но и управленцы разных уровней живут фантазиями о роскошных париж-

ских магазинах и забывают о голодных и безработных в Лиме и Сан-Паулу, которые нам намного ближе. Самолет взлетел, и некоторые из пассажиров до сих пор думают, что приземлятся в Париже или Стокгольме. Но фактически самолет держит курс на Буркина-Фасо, потому что самолеты этой авиакомпании не летают на запад. Кто-нибудь в конечном итоге достигнет пункта своего назначения и будет жить в Москве так же, как в Париже. Но это произойдет за счет тех, кто живет так, как если бы они жили в Буркина-Фасо [Kagarlitski 1992, p. 14].

Растущая индустрия исследований «переходных дилемм» разворачивалась параллельно с восточноевропейскими и российскими переменами, хороший пример эмпирического анализа можно найти в [Nissinen 1999]. В своей книге «Создание капитализма без капиталистов» Дж. Эйял, И. Желенный и Э. Таунслей анализируют формирование классов и борьбу элит в посткоммунистической Центральной Европе. Они отмечают фундаментальное различие между Центральной Европой и Россией. В европейском варианте революция, начатая номенклатурой, была заблокирована независимой интеллигенцией. В этих странах приватизация проходила более осторожно, чем в России, и возникло большее разнообразие прав собственности [Eyal, Szelenyi, Townsley 1998]. Результатом стал «капитализм без капиталистов» — умеренно развитый капитал и рынок труда, действующие механизмы фондовой биржи и строящиеся капиталистические формы корпоративного руководства, управляемые интеллигенцией в ее роли «культурной буржуазии», но без имущих классов.

В России номенклатуре удалось превратить себя в имущий класс посредством спонтанной приватизации [Eyal 2000, p. 50]. В результате сформировался могущественный класс собственников, процветающий в ситуации слабых, недоразвитых или даже отсутствующих институтов капиталистического рынка («капиталисты без капитализма»).

Исследования духа капитализма и этоса новой элиты в Центральной Европе, проведенные Эйял и другими, конкретны и убедительны. В вопросе о социальной структуре переходного периода исследователи в большей степени фокусируются на правящей элите и сравнениях только внутри переходных обществ. На мой взгляд, особенность структур переходных классов должна быть исследована более конкретно и в более широком сравнительном контексте.

Общая перспектива формирования интересов в переходный период представлена в докладах Всемирного банка [World Bank 2000, World Bank 2002]. В них также поднимается вопрос о специфике российского пути. Политическая экономика реформ в рамках дискурса о «дисциплине и поощрении» графически выражена траекториями движения «выигравших» и «проигравших» в переходный период. На рис. 4 отображены выигрыши и потери в доходах, связанные с различными составляющими реформ в «типичной переходной экономике».

Работники государственного сектора (State sector workers), занятые на государственных предприятиях и не имеющие достаточных профессиональных навыков, чтобы выйти на конкурентный рынок, сталкиваются с резким спадом доходов в связи с вынужденным сокращением сектора и имеют мало шансов на заметное выправление ситуации по мере усиления реформ.

Потенциально вступающие в рыночные отношения (Potential new entrants), работники государственных предприятий и новые предприниматели с навыками достаточными, чтобы вступить на конкурентный рынок. График, отражающий

Средний класс в современной России

их доходы, представляет собой классическую J-кривую. Они сталкиваются с серьезными издержками на начальных стадиях реформ при выходе из государственного сектора. Кроме того, они начинают получать прибыль лишь на том этапе, когда политические и институциональные реформы достигают такого уровня, чтобы обеспечить новым участникам возможность выхода на конкурентный рынок.

Олигархи и инсайдеры (Oligarchs and insiders) вступают в переходный период, имея de facto контрольные права на государственные активы и тесные связи с политической элитой, унаследованные от предыдущей командной системы. Однако из-за недостаточных навыков конкуренции в рыночной экономике динамика их доходов выражена перевернутой U-образной кривой.

Исходя из такого соотношения приобретений и потерь, каждая группа стремится к своей комбинации реформ. Работники государственного сектора предпочитают статус-кво R 0 и отвергают все реформы. Олигархи и инсайдеры отдадут предпочтение частичным реформам и поддерживают реформу развития через R 1 (точка, где их доходы максимизируются и за которой дальнейшее воплощение политики дисциплины и поощрения угрожает подорвать доходы). Для потенциальных новых участников рынка процесс реформ предполагает серьезные жертвы в начале и получение доходов по мере развития реформ.

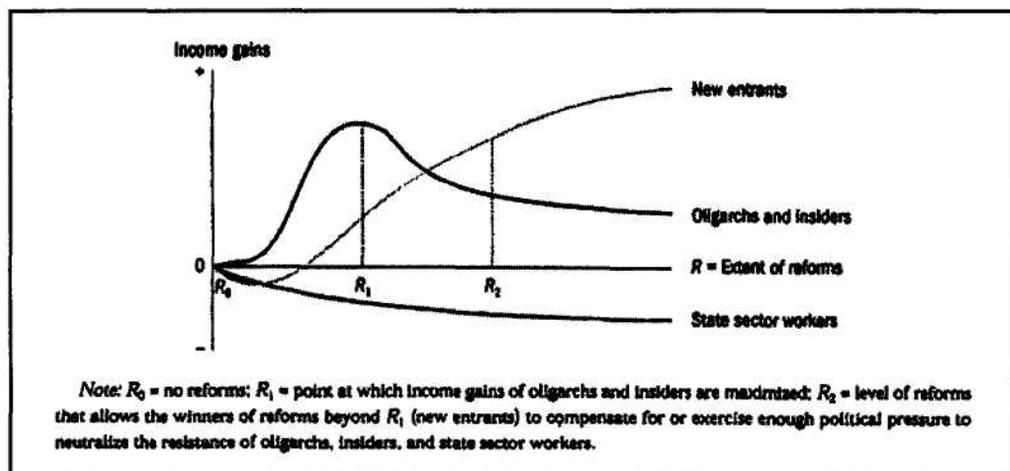
Главная идея здесь состоит в том, что политика должна сдерживать тех, кто приобрели от реформ во время либерализации и приватизации, от подрыва дальнейших реформ, которые бы привнесли дисциплину и способствовали бы выходу новых участников на рынок и конкуренции. Риск состоит в том, чтобы не застрять на первой стадии реформ (R 1). Поскольку как инсайдеры, так и работники государственного сектора сталкиваются со снижением доходов после R 1, у этих групп существует сильный стимул присоединиться к силам, противостоящим дальнейшим экономическим реформам.

Этот анализ рассматривает интересы и структуры как отражение политики экономических реформ и различных ее фаз. Открытым остается вопрос, были ли государственные работники действительно основной силой замедления процесса реформ.

Табл. 6 показывает, что государственная занятость в ходе приватизации очень быстро сокращается. Абсолютное большинство российских наемных работников сегодня трудятся уже в частном секторе.

Можно также задать вопрос, в какой степени олигархи и инсайдеры в действительности являются проигравшими в процессе реформ? Из эпохи первоначального накопления капитала мы знаем, что нет большой разницы, как получены первичные деньги: путем поиска ренты или арбитража. Размер ренты сильно колебался, что, безусловно, не входило в долгосрочные интересы олигархов и инсайдеров [Eslund 1999]. Возможно даже, что вторая стадия реформ все в большей степени становится выгодной для них.

Данный анализ носит слишком абстрактный характер в том, что касается форм рыночной экономики и капитализма. Капитализм может быть многолик, его форма зависит от расстановки классовых сил. Я уже отмечал, что классификация моделей развития общества на основе поляризации классовых отношений является слишком грубой типологией. Можно выделить множество реальных исторических типов на основе расстановки классовых сил.

Источник: [World Bank 2002]

Income gains — рост доходов

R=Extent of reforms — расширение реформ

Note (примечание):

R_0 = отсутствие реформ;

R_1 = точка, в которой доходы олигархов и инсайдеров максимизированы

R_2 = уровень реформ, который позволяет выигравшим от них в период до R_1 (вступающим на рынок) компенсировать или практиковать достаточное политическое давление с целью нейтрализовать сопротивление олигархов, инсайдеров и работников государственного сектора.

Рис. 6 Победители и проигравшие от реформ

Таблица 6 Занятость по секторам экономики. Россия в 1990—2000 гг. (%)

Занятость по секторам	год					
	1990	1992	1994	1996	1998	2000
Общая занятость	100	100	100	100	100	100
Государственные, муниципальные предприятия и др.	82,6	68,9	44,7	42,0	38,1	37,9
Частные предприятия	12,5	19,5	33,0	35,6	43,2	46,1
Общественные организации, фонды	0,8	0,8	0,7	0,6	0,7	0,8
Совместные предприятия	0,1	0,3	0,5	0,8	1,6	2,7
Смешанные формы собственности	4,0	10,5	21,1	21,0	16,4	12,5

Источник: [Госкомстат России, 2001]

Социальный класс может быть сильным, если:
отношения собственности или обладание властными ресурсами, на которые он опирается, твердо укоренены в обществе;
четко определено его положение в обществе;
имеются сильные организации, на которые можно опираться.

Средний класс в современной России

Разумеется, сказанное является сильным упрощением уже в силу того, что названные условия не обязательно реализуются в одно и то же время. Однако с этих позиций мы можем сравнить классовые отношения в России с другими типами классовых отношений и наметить в общих чертах возможные пути развития.

Табл. 7 иллюстрирует различные типы классовых отношений с точки зрения силы или слабости социального класса. Классы, включенные в контекст анализа в этом случае, — это буржуазия, рабочий класс и новый средний класс. В этом также есть момент упрощения, поскольку в списке отсутствуют крестьяне, определявшие, как известно, классовые отношения во многих обществах, а также городская мелкая буржуазия, обладавшая определенным влиянием на ситуацию.

В этой аналитической выкладке западноевропейские страны (в особенности скандинавские) помещены в ячейку 1. В этих странах отношения собственности полностью определились, а базовый средний класс, включающий управленцев и специалистов, имеет неоспоримые привилегии по отношению к рабочему классу. С другой стороны, рабочий класс также имеет сильные организации — профсоюзы и партии, с помощью которых он функционирует как влиятельная часть гражданского общества. Только небольшая доля общественных богатств напрямую потребляется классом собственников. Вот почему эти общества нельзя рассматривать как эксплуататорские в прямом смысле этого слова.

Россия скорее попадает в ячейку 8. Отношения собственности в России до сих пор находятся в процессе становления, а властные ресурсы среднего класса слишком слабы. Организации рабочего класса слабы, а на уровне предприятия властные ресурсы рабочих контролируются администрацией. Не подлежит сомнению то, что позиции новой буржуазии будут формироваться по мере завершения процесса приватизации. Это обусловлено тем, что процесс структурной перестройки экономики продолжается. Пока слишком рано говорить о прибыльных отраслях промышленности и об определенных перспективах. Организации и интересы среднего класса начинают обретать форму, несмотря на то, что существует масса сложных и противоречивых обстоятельств. Успех классов будет во многом зависеть не только от общих тенденций в обществе, но и от их собственных успехов и поражений, а также в создании собственных стратегий развития.

Маловероятно, чтобы Россия в одночасье переместилась из ячейки 8 в ячейку 1. Но каковы другие возможности?

Сразу после Гражданской войны классовая структура советского общества попала бы в ячейку 4. Буржуазия и средний класс были слабы, а рабочий класс силен. Однако независимые организации рабочих были закрыты еще при Ленине и навсегда уничтожены при Сталине. Чем дольше Сталин оставался у власти, тем слабее становились независимые организации рабочего класса и тем сильнее — организации среднего класса, что полностью не соответствовало первоначальным намерениям большевиков. В какой-то степени здесь мы приближаемся к ячейке 7. Однако из всех общественных сил, включенных в процесс преобразований, наибольшие выгоды получает отнюдь не средний класс, а номенклатура, становящаяся новым правящим классом.

Даже в том случае, если при помощи процесса приватизации номенклатура станет новой буржуазией, в обществе могут формироваться разные типы власт-

Таблица 7 Альтернативные модели классовых отношений

		Буржуазия			
		сильная		слабая	
		Средний класс			
Рабочий класс	сильный	сильный	слабый	сильный	слабый
	слабый	1	2	3	4
		5	6	7	8

Источник: [Кивинен 2002]

ных отношений между классами. Вариант 2 напоминает ситуацию в Германии в период Веймарской республики, когда средний класс был раздавлен в тисках между сильной буржуазией и сильным рабочим классом [Geiger 1949; Speier 1986]. Некоторые черты этой ситуации распознаются в положении специалистов-профессионалов в современной России. С одной стороны, буржуазия становится все сильнее, с другой — численно крепкий рабочий класс также должен быть принят в расчет. Сейчас нелегко определить те политические силы, которые действуют внутри рабочего класса как левые или правые [Oittinen 1995]. Даже лидеры коммунистической партии говорят сегодня, что одной из важнейших задач является превращение России в мощную национальную державу. Исходя из этого, модель, предполагающая становление авторитарных движений, не слишком далека от реальности. Стремление к национальному самоутверждению на фоне слабого среднего класса вполне может быть поводом к беспокойству.

Наихудшим сценарием из всех возможных является перспектива превращения России в развивающуюся страну. Если это случится, классовая структура российского общества будет похожа на те страны, где буржуазия настолько сильна, что большинство прибавочного продукта уходит на частное потребление правящего класса. Можно найти массу примеров такой структуры в Латинской Америке, Азии и Африке. Это в буквальном смысле эксплуататорские общества. Фактор, который толкает Россию в этом направлении, — отсутствие капиталистической рациональности. Если методы ведения бизнеса (которые основываются на спекуляции и целью которых является получение наибольшей прибыли в кратчайшие сроки) будут преобладать и дальше, то возникает реальная опасность скатывания России на уровень стран Третьего мира. Вместе с тем по-прежнему существуют факторы, которые тянут страну в другом направлении, прежде всего это высокий уровень образования и огромный экономический потенциал.

Пятый вариант напоминает ситуацию в США, где средний класс настолько силен, что даже рабочий класс в значительной степени принял его образ мысли [Ahrne, Wright 1983]. Рабочий класс слаб в смысле организации; отсутствует левое политическое крыло. Из-за слабой и неустойчивой позиции среднего класса это вряд ли станет возможным сценарием развития России. В США подобная ситуация возникла как результат особого статуса страны, находящейся в центре мирового порядка, а также как результат исключительно высокого уровня жизни.

Средний класс в современной России

Подобные проекты, ориентированные на средний класс, известны в России. В этих проектах в рамках трудового кодекса проводится четкий водораздел между функциями исполнения и планирования. Соответствующим образом дифференцируется и система образования. Для реализации этого проекта российский средний класс должен будет создать новые институты. При этом интересы среднего класса и рабочих войдут в стадию антагонизма.

Если процесс экономического перехода к рынку станет затягиваться и если структурная перестройка экономики завершится неудачей, Россия, вероятно, последует модели 7. По этому сценарию старые структуры на уровне предприятий, скорее всего, будут сохранены [Clarke 1993]. Менеджмент сохранит свой контроль над слабыми предприятиями, а профессионалы станут основной силой, выступающей за модернизацию. Утрата политического контроля над обществом, без сомнения подтолкнет развитие событий в этом направлении. В то же время начнут увеличиваться безработица и организационная фрагментация рабочего класса.

Альтернатива 3 могла бы основываться на том, что рабочий класс сможет успешно использовать солидарность трудового коллектива, превратив ее в реальную организационную деятельность по защите своих интересов. Такой поворот дела может обеспечить движение к европейскому постиндустриальному обществу, а также увлечь средний класс проектом модернизации, предполагающим создание государства благосостояния. В этом случае перевод номинальной собственности коллектива в реальную может стать фундаментом демократической левой альтернативы, прежде всего базирующейся на плюрализме форм собственности, а не на сильном имущем классе. Этот путь социально-демократического развития возможен в России. Структурные основы уже имеются, но остаются очень серьезные препятствия политического и культурного характера. Прежде всего, потребуется сознательная работа для демонтажа старых культурных форм и тех институтов, которые на них опираются.

Перевод с английского *И.М. Иванова*

Литература

- Беляева Л.А.* Средний слой российского общества: проблемы обретения социального статуса // Социологические исследования. 1993. № 10.
- Бухарин К.* Теория исторического материализма. М., 1924.
- Вольский А.* Умственный рабочий. N.-Y, 1968 (первое издание, 1905).
- Глезерман Г.Е.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949.
- Глезерман Г.Е.* Переход от социализма к коммунизму и стирание классовых границ // От социализма к коммунизму. М., 1962.
- Горшков М.К.* (коллект. авторов). Средний класс в современном российском обществе. М., 1999.
- Госкомстат России. Российский статистический ежегодник. М., 2001.
- Григорьев Л., Малева Г.* Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // Вопросы экономики. 2001. № 1.
- Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Хрущева. М., 2001.

- Заславская Т.Н.* Социализм, перестройка и общественный выбор // Социологические исследования. 1992. №4.
- Заславская Т.И.* К вопросу о «среднем классе» Российского общества // Мир России. 1998. № 4.
- Кивинен М.* Перспективы развития среднего класса в России // Социологический журнал. 1994. № 2 (а).
- Кивинен М.* Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб., 2001.
- Козлова Н.Н.* Упрощение — знак эпохи // Социологические исследования. 1990. № 7.
- Романов П.* Российская промышленность вступила в эпоху банкротств. Доклад представлен на конференции «Реструктуризация менеджмента и промышленных отношений в России». 4—7 декабря 1994.
- Русских Б.Г.* Престиж профессий служащих-неспециалистов как один из факторов управления развитием социальной структуры общества. М., 1983.
- Руткевич М.Н.* Проблемы изменения социальной структуры советского общества. М., 1968.
- Семенов В.С.* Преобразования в рабочем классе и интеллигенции в процессе перехода к коммунизму. Из истории рабочего класса СССР. Л., 1962.
- Ситников А.* Формируется ли средний класс? // Российский экономический журнал. 1999. № 3.
- Филиппов Ф.Р.* Региональные проблемы социальной мобильности. М., 1991.
- Черноволенко В.Ф.* (коллект. авторов). Семья и воспроизводство структуры трудовой занятости. Киев, 1984.
- Шкаратан О.И.* Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970.
- Ядов В.А.* (ред.) Социология в России. М., 1996.
- Abercrombie N., Urry J.* Capital, Labour and the Middle Classes. L., 1983.
- Adams J.* Deconstruction and Decomposition? A Comment on Grusky and Weeden // Acta Sociologica. 2002. N 45.
- Ahrne G., Wright E.O.* Class and Social Organisation in the United States and Sweden: A Comparison // Acta Sociologica. 1983. N 3—4.
- Aitov N.A.* The Dynamics of Social Mobility in the USSR // The Social Structure of the USSR / Ed. by M. Yanowitch. Recent Soviet Studies. N.Y., 1986.
- Anderson B.* Imagined Communities. L., 1983.
- Lslund A.* Why Has Russia's Economic Transformation Been So Arduous? Paper presented at the Annual World Bank Conference on Development Economics. Washington D.C.; April 28—30, 1999.
- Baltzer H.* (ed.) Russia's Missing Middle Class. The Professions in Russian History. N.Y., 1996.
- Barber J.* Working Class Culture and Political Culture in the 1930s // The Culture of the Stalin Period / Ed. by H. Giinther. L., 1990.
- Bauman Z.* Intellectuals in East-Central Europe: Continuity and Change // Search of Central Europe / Ed. by G. Scoflin, N. Wood. Cambridge, 1989.
- Biziukov P., Clarke S.* Privatization in Russia — the road to a people's capitalism // Monthly Review. 1992. N 6. Vol. 44.
- Blom R.* Class Differences in Consciousness and Reproduction in Baltics // The Kalamari Union. Middle Class in East and West / Ed. by M. Kivinen. Aldershot, 1998.
- Blom R., Kivinen M.* Analytical Marxism and Class Theory // Organization Theory and Class Analysis. New Approaches and New Issues / Ed. by S.R. Clegg. Berlin & N.Y., 1990.
- Blom R., Kivinen M., Melin H., Rannik E.* Structuration of Work Situation in Finland and Soviet Estonia // International Sociology. 1991. N 3.
- Blom R., Kivinen M., Melin H., Rantalaiho L.* The Scope Logic Approach to Class Analysis. A Study of the Finnish Class Structure. Aldershot, 1992.
- Bomsel O.* From Socialist Norms and Sanctions to the Market Economy. Paper presented at the 10th EGOS Colloquium in Vienna, Austria, July 15—17, 1991.
- Bourdieu P.* Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste. L.; N.Y., 1984.
- Borisov V.* Talousuudistus ja lakko tyolaisten aktiivisuuden muotona — esimerkkinä Donbassin lakko kesakuussa 1993 // Idantutkimus. 1995. Vol. 2.
- Braithwaite J.D.* The Old and New Poor in Russia // Poverty in Russia. Public Policy and Private Responses / Ed. by J. Klugman. The World Bank. Washington D.C., 1997.

Средний класс в современной России

- Burawoy M.* Manufacturing Consent. Chicago, 1977.
- Burawoy M.* Politics of Production: Factory Regimes under Capitalism and State Socialism. L., 1985.
- Burawoy M.* The Radiant Past. Ideology and Reality in Hungary's Road to Capitalism. Chicago, 1992.
- Burawoy M., Lukacs J.* Mythologies of Work. A Comparison of Firms in State Socialism and Advanced Capitalism // American Sociological Review. 1986. N 6.
- Burnham J.* The Managerial Revolution or What Is Happening in the World Now. L., 1945.
- Bystrova A.* The Fate of Party Functionaries in Post-Soviet Russia // The Kalamari Union. Middle Class in East and West / Ed. by M. Kivinen. Aldershot, 1998.
- Backman J.* New Russians and Social Change // The Kalamari Union. Middle Class in East and West / Ed. by M. Kivinen. Aldershot, 1998.
- Chernysh M.* The Middle Class and Civil Society // The Kalamari Union. Middle Class in East and West / Ed. by M. Kivinen. Aldershot, 1998.
- Clark R., Lipset S.M.* Are Social Classes Dying? // International Sociology. 1991. N 4. Vol. 6.
- Clark T., Lipset S., Rempel M.* The Declining Political Significance of Social Class // International Sociology. 1993. N3. Vol. 8.
- Clarke S.* Privatization and the Development of Capitalism in Russia // New Left Review. 1993 a.
- Clarke S.* The Contradictions of «State Socialism» // Clarke S. et al. What about the Workers. Workers and the Transition to Capitalism in Russia. L., 1993 b.
- Conflict and Change in the Russian Enterprise* / Ed. by S. Clarke. Edward Elgar. Aldershot, 1996.
- Clarke S., Kabalina V.* Privatisation and the Struggle of Control of the Enterprise in Russia. Paper for Conference on Russia in Transition: Elites, Classes and Inequalities. Cambridge, 15.—16.12.1994.
- Clement W., Myles J.* Relations of Ruling: Class and Gender in Postindustrial Societies. Montreal and Kingston, 1994.
- Davies K., Moore W.* Some Principles of Stratification // American Sociological Review. 1945. Vol. 10.
- Davis H., Scase R.* Western Capitalism and State Socialism. L., 1985.
- Dunham V.S.* In Stalin's Time: Middle-class Values in Soviet Fiction. Westford: Mass, 1974.
- Ehrenreich B., Ehrenreich J.* The Professional-Managerial Class // Between Labour and Capital / Ed. by P. Walker. Hassocks, Sussex, 1979.
- Eyal G.* Anti-politics and the Spirit of Capitalism: Dissidents, Monetarists, and the Czech Transition to Capitalism // Theory and Society. 2000. Vol. 29.
- Eyal G., Szelenyi I., Townsley E.* Making Capitalism Without Capitalists. Class Formation and Elite Struggles in Post-Communist Central Europe. L., 1998.
- Fairbrother P.* A Russian Middle Class in Formation? Social Strata and Sectional Trade Unionism in the Aviation' and Coal Industries // The Kalamari Union. Middle Class in East and West / Ed. by M. Kivinen. Aldershot, 1998.
- Davis K., Moore W.E.* Some Principles of Stratification// American Sociological Review. 1945.N 10(April 1945).
- Filtzer D.* Soviet Workers and Stalinist Industrialization. L., 1986.
- Fitzpatrick S.* The Russian Revolution. Oxford, 1982.
- Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921—1934. Cambridge, 1979.
- Fitzpatrick S.* Ascribing Class: the Construction of Social Identity in Soviet Russia // Stalinism. New Directions / Ed. by S. Fitzpatrick. L., 2000.
- Frydman R., Rapaczynski A., Earle J.S.* The Privatisation Process in Russia, Ukraine and the Baltic States. Budapest, 1993.
- Galanter M.* Law and the Backward Classes in India, Berkeley: University of California Press, 1984.
- Geiger T.* Die Klassengesellschaft in Schmelztiegel. Koln, 1949.
- Giddens A.* The Class Structure of the Advanced Societies. L., 1973.
- Giddens A.* Beyond Left and Right. Cambridge, 1995.
- Goldthorpe J.* Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford, 1980.
- Goldthorpe J.* On the Service Class, its Formation and Future // Social Class and the Division of Labour / Ed. by R. Giddens, G. Mackenzie. Cambridge, 1982.

- Goldthorpe J., Marshall G.* The Promising Future of Class Analysis. A Response to Recent Critiques // *Sociology*. 1992. N3. Vol. 26.
- Gordon L.A., Nazimova A.K.* The Socio-Occupational Structure of Contemporary Soviet Society. Typology and Statistics // *The Social Structure of the USSR*. Recent Soviet Studies / Ed. by M. Yanowitch. N.Y., 1986.
- Gouldner A. W.* The Metaphoricality of Marxism and the Context-Freeing Grammar of Socialism // *Theory and Society*. 1974. Vol. 4 b.
- Gouldner A. W.* Stalinism. A Study of Internal Colonialism. Telos (Winter 1977—1978).
- Gouldner A.* The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. L.; Basingstoke, 1979.
- Holton R., Turner B.* Debate and Pseudo-Debate in Class Analysis: Some Unpromising Aspects of Goldthorpe and Marshall's Defence // *Sociology*. 1994. N 3. Vol. 28.
- Hout M., Brooks C., Manza J.* The Persistence of Classes in Post-Industrial Societies // *International Sociology*. 1993. Vol. 8.
- Joutsenoja M.* Profession Janus-kasvot. Pohjois-Suomen Sosiologien Jatkokoulutusseminaarin Esitelmä. 5.5.1992.
- Kagarlitsky B.* The Dialectic of Change. L., 1990.
- Kagarlitski B.* Hajonnut Monoliitti. Helsinki, 1992.
- Kautsky K.* Bernstein und das Sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik. Stuttgart, 1899.
- Kennedy M.D.* Professionals, Power and Solidarity in Poland. A Critical Sociology of Soviet-type Society. Cambridge, 1991.
- Kivinen M.* Parempien Piirien Ihmisiä. Jyväskylä, 1987.
- Kivinen M.* The New Middle Classes and the Labour Process. Class Criteria Revisited. Department of Sociology, University of Helsinki, Research Report 223. Helsinki, 1989.
- Kivinen M.* Class Relations in Russia // *Change and Continuity in Eastern Europe* / Ed. by T. Piirainen. Aldershot, 1994 b.
- Kivinen M.* Russian Middle Class — Dying or Emerging. Paper presented at the VIIIth International Meeting of the Comparative Project on Class Structure and Class Consciousness. 1—3 August 1997, Canberra, Australia.
- Kivinen M.* Sosiologia ja Venäjän. Helsinki, 1998 a.
- Kivinen M.* (ed.) The Kalamari Union. Middle Class in East and West. Aldershot, 1998 b.
- Kivinen M.* Progress and Chaos. Russia as a Challenge for Sociological Imagination. Helsinki, 2002.
- Kortteinen M.* Kunnian kenttä. Suomalainen palkkatyö kulttuurisena muotona. Helsinki, 1992.
- Kryshchanovskaya O.* The New Business Elite // *Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform* / Ed. by D. Lane. Aldershot, 1992.
- Lampert N.* The Technical Intelligentsia and the Soviet State. A Study of Soviet Managers and Technicians 1928—1935. L.; Basingstoke, 1979.
- Lane C.* The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society — the Soviet Case. Cambridge, 1981.
- Lane C.* The Impact of the Economic and Political System on Social Stratification and Social Mobility: Soviet Lower White-collar Workers in Comparative Perspective // *Sociology*. 1987. N 1.
- Lane D.* (ed.) Elites and Political Power in the USSR. Aldershot, 1988.
- Lane D.* Soviet Elites, Monolithic or Polyarchic // *Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform* / Ed. by D. Lane. Aldershot, 1992.
- Lane D.* The Rise & Fall of State Socialism. Oxford, 1996.
- Larson M.S.* The Rise of Professionalism. Berkeley, 1977.
- Lenski G.* New Light on Old Issues: The Relevance of «Really Existing Socialist Societies» for Stratification Theory // *Social Stratification in Sociological Perspective* / Ed. by D.B. Grusky. Second Edition. Boulder, 2001.
- Lewin M.* The Gorbachev Phenomenon. Berkeley, 1991.
- Lewin M.* The Making of the Soviet System. Essays in the Social History of Interwar Russia. N.Y., 1985.
- Lonkila M.* Informal Exchange Relations in Post-Soviet Russia: A Comparative Perspective. Sociological Research Online. 1997. N 2. Vol. 2.

Sредний класс в современной России

- Lotman J.M., Uspenskii B.A.* Binary Models in the Dynamics of Russian Culture (to the End of the Eighteenth Century) // *The Semiotics of the Russian Cultural History* / Ed. by A.D. Nakhimovsky, A. Stone-Nakhimovsky. L., 1985.
- Management and Industry in Russia: Formal and Informal Relations in the Period of Transition / Ed. by S. Clarke. Aldershot, 1995.
- Marx K.* The Economic and Philosophical Manuscripts of 1844. N.Y., 1964.
- Marx K.* Capital. Volume One. N.Y., 1976.
- Mathews M.* Poverty in the Soviet Union. The Life-Styles of the Underprivileged in Recent Years. Cambridge, 1986.
- McAuley A.* Economic Welfare in the Soviet Union. Madison, 1979.
- McAuley A.* Social Welfare in Transition. What Happened in Russia. World Bank Research Paper Series, 6. Washington D.C., 1994.
- Melin H.* Suunnitelman varjossa. Tutkimus yritysohjatista Neuvostoliitossa ja Venäjällä. Acta Universitatis Tamperensis, ser. A. Vol. 489. Tampere, 1996.
- Milanovic B., Yitzhaki S.* Decomposing World Income Distribution. Does the World Have a Middle Class? World Bank, Policy Research Working Paper 2562, Washington D.C., 2001.
- Milanovic B.* Explaining the Increase in Inequality during the Transition. World Bank, Washington D.C., 2000.
- Mills C.W.* White Collar. The American Middle Classes. N.Y., 1956 a.
- Mills C.W.* The Sociological Imagination. N.Y., 1959.
- Moon D.* The Russian Peasantry 1600—1930. Harlow, 1999.
- Mökinen H.* Yhteiskunnan tieto. Akateeminen väitöskirja. Tampere, 1993.
- Nikula J.* From State-Dependency to Genuine Worker Movement? The Working Class in Socialism and Post-Socialism. Tampere, 1997.
- Nissinen M.* Latvia's Transition to a Market Economy. Political Determinants of Economic Reform Policy. L., 1999.
- Nove A.* The Economics of Feasible Socialism. L., 1983.
- Nove A.* Socialism, Economics and Development. L., 1986.
- Nove A.* Stalinism and After — the Road to Gorbachev. L., 1989.
- OECD: The Social Crisis in the Russian Federation. Paris, 2001.
- Oittinen V.* Marxismi-leninismistä valtiopatriotismiin. Venäjän kommunistien aatteellinen kehitys. Venäjän ja Itä-Euroopan instituutin tiedonantoja ja katsauksia 1995, 2.
- Owen G.* Values of Games with Priori Unions // Ed. by R. Heim, O. Moeschlin. Essays in Mathematical Economics and Game Theory. N.Y., 1977.
- Pahl R.E.* Is the Emperor Naked? Some Questions on the Adequacy of Sociological Theory in Urban and Regional Research // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1989. Vol. 13.
- Pahl R.E.* Replies // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1991. Vol. 15.
- Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. L., 1996.
- Pakubki J.* The Dying of Class or of Marxist Class Theory // *International Sociology*. 1993. N 3. Vol. 8.
- Parkin F.* Class Inequality and Political Order. Social Stratification in Capitalist and Communist Societies. L., 1971.
- Piirainen T.* Globaali hyvinvoinnin jakautuminen // Ed. by T. Piirainen, J. Saari. Yhteiskunnalliset jaot. 1990-luvun perintö. Helsinki, 2002.
- Piirainen T.* Towards a New Social Order in Russia. Transforming Structures and Everyday Life. Aldershot, 1997.
- Projekt Klassenanalyse: Materialien zur Klassenstruktur der BRD 1—2, West-Berlin, 1973.
- Roemer J.E.* A General Theory of Exploitation and Class. Cambridge, Mass, 1982 a.
- Roemer J.E.* New Directions in the Marxist Theory of Exploitation and Class // *Politics and Society*. 1982. N 3 b.
- Rutland P.* The Myth of the Plan. Lessons of Soviet Planning Experience. L., 1985.
- Rutland P.* Business Lobbies in Contemporary Russia // *International Spectator*. 1997. Vol. 32.
- Shapley L.S.* A value for n-person games // Ed. by H.W. Kuhn, A.W. Tucker. Contributions to the Theory of Games. Volume 2. Princeton: Princeton University Press. (Annals of Mathematics Studies, 28).

- Shlapentokh V.* The Politics of Sociology in the Soviet Union. Boulder, Colo, 1987.
- Shlapentokh V.* Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Stalin Russia. N.Y., 1989.
- Shorrocks A.* Decomposition Procedures for Distributional Analysis: A Unified Framework based on Shapley Value. University of Essex, Department of Economics, 1999.
- Shorrocks A., Kolenikov S.* Poverty Trends in Russia during the Transition. World Institute for Development Economics Research. Helsinki, 2001.
- Solzhenitsyn A.I.* The First Circle. Northwestern University Press, 1977.
- Speier H.* German White-Collar Workers and the Rise of Hitler. New Haven, 1986.
- Strubar I.* War der Reale Sozialismus Moderne? Versuch Einer Strukturellen Bestimmung // Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozial Psychologie. 1991. N 3.
- Stark D.* Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe. Stanford, 1989.
- Stites R.* Revolutionary Dreams. Oxford and N.Y., 1989.
- Sutela P.* Neuvostotalouden vaikeat vuodet. Jyväskylä, 1987.
- Waters M.* Succession in the Stratification Order: A Contribution to the Death of Class Debate // International Sociology. 1994. Vol. 9.
- Wedel J.R.* Clans, Cliques, and Captured States. Rethinking "Transition" in Central an Eastern Europe and the Former Soviet Union // Wider Discussion Paper N 2001/58.
- Whitefield S.* Industrial Power and the Soviet State. Oxford, 1993.
- Wright E.O.* Class, Crisis and the State. L., 1978.
- Wright E.O.* Classes. L., 1985.
- Wright E.O.* Huomautuksia Kivisen luokkateoriaan. Tiede & Edistys, 2/1990.
- Wright E.O.* Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge, 1997.
- World Bank: Making Transition Work for Everyone. Poverty and Inequality in Europe and Central Asia. Washington D.C., 2000.
- World Bank: Transition. The First Ten Years. Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union. Washington D.C., 2002.
- Yanowitch M.* Social and Economic Inequality in the Soviet Union. Six Studies. N.Y., 1977.